

**В ПОИСКАХ ЕДИНИЦЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ
(КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФИЛЬТР ИДЕЙ)**

*Работа представлена кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
Кубанского государственного университета.*

Статья посвящена проблеме формирования дискурсивной среды, «пригодной» для моделирования динамических нелинейных свойств лингвокогнитивных объектов. В результате отбора из общего потока дискурсологической информации были выделены значимые с когнитивно-синергетической точки зрения идеи. В качестве структурной единицы социокультурного пространства дискурса предлагается рассматривать дискурсивный акт.

Ключевые слова: *когнитивно-синергетический подход, дискурс, информативность, интерактивность, контекстуальность, конструктивность, спонтанность, цикличность, дискурсивный акт.*

L. Bronnik

**SEARCHING FOR A DISCOURSE UNIT
(COGNITIVE-SYNERGETIC FILTER OF IDEAS)**

The article raises the problem of discursive environment that is “usable” for modeling of dynamic nonlinear features of linguocognitive objects. The most valuable ideas were filtered out of the general flow of the discourse-relevant information. A discursive act is seen as a structural unit of the sociocultural discourse space.

Key words: *cognitive-synergetic approach, discourse, informativity, interactivity, contextuality, constructivity, spontaneity, cyclicity, discursive act.*

Лингвосинергетика является, на наш взгляд, одним из наиболее ярких и динамично развивающихся направлений отечественной науки начала XXI в. (В. А. Пищальникова, Р. Г. Пиотровский, Н. Л. Мышкина, Е. В. Пономаренко, И. А. Герман, Г. Г. Москальчук,

К. И. Белоусов, Е. В. Бондаренко, И. Ю. Моисеева и др.). Ее появление – вполне закономерный результат поиска выхода из методологического кризиса, охватившего языкознание. Обращение к вопросам языковой сложности и динамичности потребовало принци-

пиально новых концептуальных и методологических инструментов научно-исследовательской деятельности лингвиста. Аналогичный «поворот» предсказуем и в пространстве лингвокогнитивной мысли, столкнувшейся с тем, что классический когнитивизм исчерпал свои эвристические возможности. Располагаясь на пересечении интересов когнитивно-динамического и эволюционно-синергетического подходов, когнитивная лингвосинергетика, так мы предлагаем назвать новое направление, может открыть новые грани в языковой когниции, дать объяснение таким ее сторонам, как целостность, процессуальность, нелинейность, многомерность и др. [2].

В сложившейся познавательной ситуации моделирование представляется наиболее конкурентоспособным методом изучения взаимодействия языка и мышления с когнитивно-синергетических позиций. Одним из локусов таких интеракций, встреч является дискурс. Несмотря на явную близость дискурсологических и когнитивно-синергетических воззрений, навеянную влиянием постструктуралистских, постмодернистских тенденций в современной науке, использование дискурсивных понятий в когнитивно-синергетических интересах в «готовом» виде довольно затруднительно. Причин тому несколько: многообразие форм и обликов, которые принимает дискурсивная реальность в научном освещении; вплетенность многих идей, перекликающихся с установками когнитивной лингвосинергетики, в концептуальную «ткань» разных, зачастую малосоприкасающихся, контекстов, что приводит к адаптивным модификациям первичных представлений; метаязыковой «Вавилон» и, как результат, отсутствие целостного образа дискурса. Чтобы сформировать дискурсивную среду, в которую можно было бы погружать лингвокогнитивные явления и процессы и моделировать их динамические нелинейные свойства, мы воспользовались когнитивно-синергетическими структурами знаний в качестве своеобразного познавательного фильтра. Это позволило отделить неактуальную для нас дискурсологическую информацию от наиболее эвристически ценной. Результаты селективного отбора по критерию когнитив-

но-синергетической значимости представлены здесь уже в сжатом и упорядоченном виде.

В процессе моделирования всегда присутствует момент вычленения из среды некоторого фрагмента, на который и будет направлена познавательная активность исследователя. Выделение этого нечто из общего неразличимого фона предполагает придание ему концептуальной формы, что позволяет увидеть различие и провести мысленные границы между объектом и его окружением. Задача понять, к примеру, в чем заключается динамичность концепта в дискурсе, ставит нас перед необходимостью выбора такой формы. Что может объединить концепт, язык и дискурс в рамках одной репрезентативной модели, соответствуя при этом требованию динамической активности? Размышления по этому поводу приводят к понятию дискурсивного акта (ДА), которое явно производно от понятия речевого акта (РА), введенного в научный обиход философом обыденного языка Дж. Остином. Своим появлением ДА обязан, очевидно, дискурсивизации языкознания, ставшей своего рода протестом против игнорирования структуралистами практики повседневного языка.

Традиция считать минимальной единицей речедействие была заложена в теории речевых актов. По мере углубления научных представлений о реалиях обыденного общения все очевидней становилась несостоятельность некоторых ее положений. Несмотря на то что работы Дж. Остина и Дж. Р. Серля, стоявших у истоков общей теории РА, оказали значительное воздействие на развитие дискурсивных исследований [15, р. 45], и между их понятийными планами существует очевидная преемственная связь, активное обращение к категориям дискурса – это скорее следствие критической реакции на логико-аналитический уклон языкового прагматизма и связанные с этим трудности, чем естественное развитие его научного смысла.

Главной «мишенью» для недовольства послужил абстрактный, оторванный от реальной жизни язык, на основе которого теоретик РА строит свои умозаключения. Выражаясь конкретнее, речь идет об обусловленности языкового выражения прагматиче-

ским контекстом. В теории РА, как известно, акцент переносится из сферы семантики и синтактики языкового знака на его актуальное употребление. Существенными для функционирования любого РА являются условия успешности, главным образом, психологическое состояние говорящего, предварительные условия, предъявляемые к внешнему миру и социальному статусу говорящего, и результат, включающий воздействие на ментальное состояние слушающего. Высокая контекстуальная «чувствительность» речевых действий, вроде бы, очевидна. Из поля зрения, однако, выпадает фактор интерактивности речетворчества, учет которого при анализе РА значительно ограничен, поскольку в фокус попадают изолированные высказывания. К тому же фактически исследователь работает не с обыденным языком в его функционировании, а с искусственно суженными идеализациями, что дало повод Дж. Лайонзу называть объекты подобного анализа языковыми актами [13, р. 172]. Это обстоятельство, впрочем, вполне объяснимо, если вспомнить, что и сам Дж. Остин, и его ученик-последователь Дж. Р. Серль начинали свою творческую деятельность с проблем аналитической философии.

Попытки выйти за пределы прагматики Дж. Остина и Дж. Р. Серля привели многих к дискурсивной тематике. Отправной точкой стало понимание того, что контекст не столько задается, предустанавливается, сколько творится во время взаимодействия. Далее исследовательские пути расходятся. Представители конверсационного анализа (Х. Сакс, Э. Щеглофф, Г. Джефферсон, Дж. М. Атkinson и др.), которые считают себя не столько последователями, сколько критически настроенными оппонентами теории РА, решающее значение придают лингвистическому контексту, т. е. тому, что было сказано непосредственно перед высказыванием [16, р. 10]. В центре внимания критического дискурс-анализа (Т. Ван Дейк, Н. Фэйрклоу, Р. Водак и др.) оказывается социальное измерение речи, ее макроуровень: пользователи языка, вовлеченные в дискурс, совершают социальные действия, участвуя в различных формах социальной интеракции (диалога).

В свою очередь это взаимодействие погружено в другие социальные и культурные контексты [18, р. 2]. Идея ситуативности высказываний в реальном дискурсе активно разрабатывалась в работах Дж. Гамперца, положивших начало интеракциональной социолингвистики. Он утверждал, что языковые выражения являются носителями не только семантического значения, но и дискурсивного – стратегической цели говорящего в дискурсе, на которую налагаются различные социокультурные ограничения [12].

В исследованиях речевой деятельности постепенно отходят от принципа сознательной планируемости, на котором держится РА: речевое действие обязательно предвосхищает определенная идея, цель, в соответствии с которой человек управляет процессом построения высказывания. Относительно того, что это может быть – интенция, намерение как некая трансцендентальная сущность, психологическое состояние антиципации или ментальная структура, в которой отражен желаемый речевой результат (к примеру, фрейм), мнения существенно расходятся. На смену априорной предзаданности языкового употребления приходит образ спонтанной в своем естественном существовании речи в том смысле, что она «непланируема и возникает в реальном времени как реакция на потребности непосредственной ситуации» [17, р. 33–34] (перевод наш. – Л. Б.). Особую значимость этому тезису придают в исследованиях устного дискурса, диалога. Со своей стороны, приведем такой довод в подтверждение справедливости сказанного. Для успешной реализации замысла необходим постоянный контроль, своего рода сознательный мониторинг происходящего. Мы можем в какой-то мере прогнозировать или, точнее, переносить опыт прошлого в будущее, на то, что будет происходить в режиме реального времени, и что различает наше рациональное восприятие – дискурс как социальное событие. Управлять же целенаправленно глубинными процессами дискурса, протекающими в иных временных масштабах, человеку не под силу*. Здесь велика роль самоорганизации, чьи ритмокаскады (Буданов В. Г.) доходят до уровня осмысленного отношения. В этих

процессах берет свое начало интуитивное знание, направляющее наше поведение в процессе речевого взаимодействия.

Следующим направлением критики теории РА стало ее абстрагирование не только от социальных аспектов речедействия, но и от вопросов его происхождения. Вообще, теорию РА часто предпочитают рассматривать как теорию значения, нежели полномасштабное знание о речевой практике [14, р. 239–240]. Она родилась в пространстве философских абстракций и первоначально мыслилась как логический ключ к решению сугубо философской проблемы – различения истинного и ложного в высказываниях обыденного языка. Апелляция к фактам психического состояния говорящего в качестве условия искренности не способна изменить ситуацию кардинальным образом, поскольку сохраняется неясность в отношении природы логического вывода, на основании которого, как предполагается в теории РА, слушающий распознает иллокутивный замысел говорящего.

Стремление преодолеть отрыв словесного действия от его реальной психокогнитивной основы вылилось в попытки установить связь между философско-логическими понятиями интенциональности, иллокутивности, перформативности и т. п. и категориями когнитивного подхода – репрезентацией, концептом, фреймом и др. То, что концептуальное и интенциональное тесно взаимодействуют в процессе порождения дискурса, не является спорным фактом, но характер их связи интерпретируется по-разному. К примеру, О. А. Алимуратов конкретизирует целенаправленную активность сознания через понятие точки фокуса интенциональности [1, с. 53], функция которой подобна действию луча лазера, считывающему информацию с голограммы. О. С. Иссерс высказывает гипотезу о том, что среди категорий базового уровня (Э. Рош) существуют особые персуазивные когнитивные категории, предназначенные для планирования речевого воздействия [3, с. 42]. Ж. В. Никонова применяет для описания внутренней организации речевых актов фреймовую модель, которая проявляет черты амбивалентной природы – не только

упорядочивает и хранит лингвопрагматические знания, но и активно подключается к процессу речепорождения [5, с. 225–228].

Благодаря заслугам Т. А. ван Дейка, признанного авторитета в области дискурс-анализа, когнитивные и социальные параметры дискурсивной практики рассматриваются в их единстве и взаимовлиянии. Социальные структуры предопределяют выбор дискурсивных структур, которые, в свою очередь, организуют, обеспечивают возникновение и существование первых [9, р. 265–266]. Когнитивное измерение дискурса сегодня не ограничивают лишь интеллектуальным пространством отдельного говорящего/слушающего, пишущего/читающего, вовлеченного в социальную интеракцию. От понимания того, что «когниция... несомненно, является культурным и дискурсивным феноменом» [8, р. 28] (перевод наш. – Л. Б.) пришли к дискурсу, в котором встречаются индивидуальная и коллективная формы познания [19, р. 7]. Решающее значение в этом повороте дискурсологической мысли сыграло понятие социальной распределенной когниции, которая является частью жизни общества и связана с совместной деятельностью людей. В дискурсе видят не производство и понимание аситуативных пропозиций, но социальное событие-действие: к примеру, согласованное построение высказываний в смежных речевых ходах, формулирование решения в групповом разговоре, поддержание структур веры через публичное обсуждение и т. п. [7, р. 344].

В современной полифонии дискурсологии отчетливо слышны конструктивистские мотивы. Дискурс становится той областью, где смыкаются интересы когнитивных и социальных конструктивистов/конструкционистов. Отталкиваясь от общей метафоры конструирования, они несколько по-разному преломляют ее значение по отношению к языковой практике. С когнитивно-конструктивистской точки зрения, значение (знание) активно создается индивидуальным разумом (Ж. Пиаже, Дж. Келли). Социальный конструктивизм наделяет этот процесс зависимостью от социальных факторов (Л. Выготский, Дж. Брунер). Во главу угла социальный кон-

структуризм ставит уже дискурс, который функционирует внутри социальных отношений, и благодаря которому наше «Я» и реальность вне нас получают свое языковое выражение [10, р. 60]. «В представлении конструктора язык не служит ни картиной, ни картой... скорее, как утверждал Витгенштейн, он получает свое значение в употреблении, в процессе человеческого взаимодействия», – так комментирует познавательную ситуацию лидер американского социального конструктивизма К. Дж. Джерджен [11, р. 26] (перевод наш. – Л. Б.). В макросоциальном значении дискурс выходит за пределы непосредственного контекста, в котором используется язык [6, р. 63]. Идеи конструктивистского толка, как видим, не антагонистичны, но взаимодополнительны, поскольку дают комплексное представление об устройстве и динамике дискурса на разных уровнях его организации. Сегодня появляется реальная возможность их полноценного синтеза в рамках эволюционно-синергетической парадигмы.

Параллельно с развитием дискурсологии языковедение пыталось подойти к проблемам речевого общения с другой стороны. Имеется в виду культивирование на лингвистической почве понятий и идей теории информации. Начало коммуникативной лингвистики было положено выдающимся лингвистом Р. О. Якобсоном. В его представлении коммуникативный акт (КА) заключается в передаче адресантом закодированного сообщения адресату [4]. Существенным прорывом в понимании природы речевой коммуникации стало включение в линейные модели КА механизма обратной связи, представленного в лингвистическом контексте в разных ипостасях и под разными названиями – контакта, восприятия, понимания, оценки, перлокутивного эффекта и др. Это сделало представления об информационных процессах речи более приближенными к коммуникативной реальности, которая движется, развивается в соответствии с принципом циклической причинности.

С чем сложно согласиться, так это с используемой в теории речевой коммуникации кибернетической метафоры, представляющей речепорождение и речепонимание как процессы кодирования и декодирования

мысли (информации) средствами языка. Призванная объяснить сущность речевой коммуникации кодовая, механицистская по духу, модель не дает тем не менее ответ на отнюдь не второстепенный вопрос: каким образом механизм символической переработки информации укоренен в нейробиологическом субстрате мозга. Ведь речемыслительная деятельность человека и информационно-символические процессы, протекающие пусть и в «умной», но все же машине, явно не одно и то же.

Приведенные доводы, полагаем, подтверждают нашу догадку об эвристическом потенциале ДА. Дискурс, понимаемый как процесс взаимного конструирования значения, оказался привлекательным для тех, кому язык интересен в первую очередь с точки зрения его перформативности, но кого не устраивали тесные рамки классической теории РА. В результате переосмысления в основу речевого общения было положено не однонаправленное воздействие, но взаимодействие дискурсантов, а понятие минимальной единицы разговора расширяется до масштабов ДА. Диалоговая модель дискурса (оставим в стороне от обсуждения иные модусы дискурса) вобрала в себя все достоинства РА, своего хронологического предшественника, и при этом относительно свободна от его слабых мест (аконтекстуальности, апсихологичности). Сравнение же ДА с КА показало, что, несмотря на отсутствие их генетического родства, в целом они совместимы, близки в своем интересе к информационно-содержательным аспектам речевого взаимодействия. Более того, модель КА является своего рода находкой для когнитивно-синергетических исследований дискурса в том смысле, что многие базовые понятия и идеи – информация, энтропия, обратная связь и др. – уже прошли успешную адаптацию к речевой реальности.

Итак, современный обобщенный портрет дискурса представляется в когнитивно-синергетическом разрезе следующим: информативность, интерактивность, контекстуальность, конструктивность, спонтанность, цикличность. Исследование дискурсивной динамики становится сегодня реальностью

благодаря синтезу идей различных подходов. Как показал анализ дискурсологических ресурсов, можно не опасаться эффекта «сочетания несочетаемого»: между многими позициями наблюдаются отношения преемственности, как в случае с теорией РА и дискурс-анализом, или концептуальной родственности (когнитивный подход и коммуникативистика

базируются на информационной метафоре). Самое главное – в распоряжении имеется эволюционно-синергетический метаязык, позволяющий привести «теоретическое многоголосие» к концептуально-целостностной модели дискурса. В основе ее видится структура ДА, реализующая всеобщий инвариант речевого дискурса в социокультурной среде.

ПРИМЕЧАНИЕ

* *Управлять же целенаправленно глубинными процессами дискурса, протекающими в иных временных масштабах, человеку не под силу.* – Есть данные, что для высшей психокогнитивной деятельности, связанной с языковыми умениями, актуален диапазон между 100 и 1000 миллисекунд. См.: *Ullman M. T. Language and the brain // An introduction to language and linguistics / R. W. Fasold, J. Connor-Linton (Eds.). Cambridge [et al.]: Cambridge University Press, 2006. P. 252.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алимурадов О. А.* Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций // *Язык. Текст. Дискурс: межвузовский научный альманах / под ред. Г. Н. Манаенко.* Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. Вып. 3. С. 43–56.
2. *Бронник Л. В.* Когнитивная лингвосинергетика – новый этап в науке о языке и мышлении // *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение».* Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. Вып. 10. С. 34–36.
3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
4. *Кашкин В. Б.* Введение в теорию коммуникации: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. тех. ун-та, 2000. 175 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/2/WebComm2.htm> (дата обращения 29.03.09).
5. *Никонова Ж. В.* Основные этапы фреймового анализа речевых актов (на материале современного немецкого языка) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* 2008. № 6. С. 224–228.
6. *Burr V.* Social Constructionism. London; New York: Routledge, 2003. 229 p.
7. *Condor S., Antaki C.* Social Cognition and Discourse // *Discourse as structure and process: Discourse studies: A multidisciplinary introduction / van Dijk T. A. (Ed.).* London [et al.]: SAGE, 1997. P. 320–347.
8. *Edwards D.* Discourse and Cognition. London [et al.]: SAGE, 1997. 356 p.
9. *Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // *Discourse in Social Interaction / T. A. van Dijk (Ed.).* London [et al.]: SAGE, 1997. P. 258–284.
10. *Gergen K. J.* An invitation to social construction. London [et al.]: SAGE, 1999. 248 p.
11. *Gergen K. J.* Social Construction in Context. London [et al.]: SAGE, 2001. 223 p.
12. *Gumperz J. J.* Discourse strategies. Cambridge [et al.]: Cambridge University Press, 1982. 225 p.
13. *Lyons J.* Language, meaning and context. London: Fontana, 1981. 256 p.
14. *Moeschler J.* Speech act theory and the analysis of conversations // *Essays in Speech Act Theory / D. Vanderveken, S. Kubo (Eds.).* Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002. P. 239–262.
15. *Potter J.* Wittgenstein and Austin // *Discourse theory and practice / M. Wetherell, S. Taylor, S. J. Yates (Eds.).* London [et al.]: SAGE, 2001. P. 39–46.
16. *Rogers R.* An Introduction to Critical Discourse Analysis in Education // *An Introduction to Critical Discourse Analysis in Education / R. Rogers (Ed.).* Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2004. P. 1–18.
17. *Stubbs M.* Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 272 p.
18. *Van Dijk T. A.* Discourse as Interaction in Society // *Discourse as Social Interaction: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / T. A. van Dijk (Ed.).* London [et al.]: SAGE, 1997. P. 1–37.
19. *Virtanen T.* Text, discourse and cognition: An introduction // *Approaches to cognition through text and discourse / T. Virtanen (Ed.).* Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 1–16.

SPISOK LITERATURY

1. *Alimuradov O. A.* Znachenije, smysl, kontsept i intentsional'nost': sistema korrelyatsiy // Yazyk. Tekst. Diskurs: mezhvuzovskiy nauchny al'manakh / pod red. G. N. Manayenko. Stavropol': Izd-vo PGLU, 2005. Vyp. 3. S. 43–56.
2. *Bronnik L. V.* Kognitivnaya lingvosinergetika – novy etap v nauke o yazyke i myshlenii // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Filologiya i iskusstvovedeniye». Maykop: izd-vo AGU, 2008. Vyp. 10. S. 34–36.
3. *Issers O. S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. Izd. 3-e, stereotipnoye. M.: Editorial URSS, 2003. 284 s.
4. *Kashkin V. B.* Vvedeniye v teoriyu kommunikatsii: ucheb. posobiye. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. tekhn. un-ta, 2000. 175 s. [Elektronnyy resurs] URL: <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/2/WebComm2.htm>. (data obrashcheniya 29.03.09).
5. *Nikonova Zh. V.* Osnovnye etapy freymovogo analiza rechevykh aktov (na materiale sovremen-nogo nemetskogo yazyka) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2008. N 6. S. 224–228.
6. *Burr V.* Social Constructionism. London; New York: Routledge, 2003. 229 p.
7. *Condor S., Antaki C.* Social Cognition and Discourse // Discourse as structure and process: Discourse studies: A multidisciplinary introduction / van Dijk T.A. (Ed.). London [et al.]: SAGE, 1997. P. 320–347.
8. *Edwards D.* Discourse and Cognition. London [et al.]: SAGE, 1997. 356 p.
9. *Fairclough N., Wodak R.* Critical discourse analysis // Discourse in Social Interaction / T. A. van Dijk (Ed.). London [et al.]: SAGE, 1997. P. 258–284.
10. *Gergen K. J.* An invitation to social construction. London [et al.]: SAGE, 1999. 248 p.
11. *Gergen K. J.* Social Construction in Context. London [et al.]: SAGE, 2001. 223 p.
12. *Gumperz J. J.* Discourse strategies. Cambridge [et al.]: Cambridge University Press, 1982. 225 p.
13. *Lyons J.* Language, meaning and context. London: Fontana, 1981. 256 p.
14. *Moeschler J.* Speech act theory and the analysis of conversations // Essays in Speech Act Theory / D. Vanderveken, S. Kubo (Eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2002. P. 239–262.
15. *Potter J.* Wittgenstein and Austin // Discourse theory and practice / M. Wetherell, S. Taylor, S. J. Yates (Eds.). London [et al.]: SAGE, 2001. P. 39–46.
16. *Rogers R.* An Introduction to Critical Discourse Analysis in Education // An Introduction to Critical Discourse Analysis in Education / R. Rogers (Ed.). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 2004. P. 1–18.
17. *Stubbs M.* Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 272 p.
18. *van Dijk T. A.* Discourse as Interaction in Society // Discourse as Social Interaction: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction / T.A. van Dijk (Ed.). London [et al.]: SAGE, 1997. P. 1–37.
19. *Virtanen T.* Text, discourse and cognition: An introduction // Approaches to cognition through text and discourse / T. Virtanen (Ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 1–16.